

УДК 340.15

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ И СУДЕБНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ТОБОЛЬСКОЙ И ИРКУТСКОЙ
ГУБЕРНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАДЗОРНОЙ ФУНКЦИИ (конец XVIII – начало XIX вв.)**

А. В. Гаврилова

**THE INTERACTION OF THE OFFICIALS OF THE REGIONAL PROSECUTOR'S OFFICE
WITH ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL INSTITUTIONS OF TOBOLSK AND IRKUTSK PROVINCES IN
THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE OVERSIGHT FUNCTION**

(late 18th – early 19th centuries)

A. V. Gavrilova

В статье обобщен опыт взаимодействия должностных лиц региональной прокуратуры с административными и судебными учреждениями Тобольской и Иркутской губерний в контексте реализации надзорной функции (конец XVIII – начало XIX вв.). Анализируются проблемы правоприменительной практики судов и иных присутственных мест в период действия двух крупнейших законов «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. и «Учреждения для управления Сибирских губерний» от 22 июля 1822 г. Фактический материал, используемый автором, включает в себя сведения, почерпнутые в документах, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Кемеровской области и Государственного архива в г. Тобольск. В рамках исследования обосновываются выводы о качественной работе прокуроров по регулированию вопросов подсудности и подведомственности, а также толкования нормативно-правовых актов. Отмечается ограничение в самостоятельном принятии решений губернской прокуратурой на основании «Учреждения для управления сибирскими губерниями», обусловленное подчинением прокурора губернским властям.

The paper summarizes the experience of the interaction of the regional Prosecutor's Office officials with administrative and judicial institutions of Tobolsk and Irkutsk provinces in the context of the oversight function (late 18th – early 19th centuries). The author analyzes the problems of law enforcement in courts and other official places in the period of the two major laws: “Institutions for the management of the Russian Empire provinces” of November 7, 1775 and “Institutions for the management of the Siberian provinces” of July 22, 1822. The actual material used by the author, includes the information from the documents deposited in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Kemerovo Region and the State Archive in Tobolsk. The author makes conclusions about the quality of prosecutors’ work on jurisdiction questions regulation and legal acts interpretation. The author notes some limitations to the independent regulation of some questions by the provincial Prosecutor's Office according to the law on “Institutions for the management of the Siberian provinces”, due to the subordination of the Provincial Prosecutors to the authorities.

Ключевые слова: Губернский прокурор, губернские стряпчие, судебный надзор, общий надзор, надзор за соблюдением законности, контроль за соблюдением принципа подведомственности, губернский суд.

Keywords: Provincial Prosecutor, provincial solicitors, judicial supervision, general supervision, supervision of compliance with the law, enforcement of the principle of jurisdiction, provincial court.

Правовой основой деятельности института прокуратуры в последней четверти XVIII – начале XIX столетий являлось «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», вступившее в силу 7 ноября 1775 г. В соответствии с данным законом прокурор и стряпчие призывались к исполнению надзора за соблюдением законности «...в производстве и отправлении дел». Законодатель возлагал на них обязанность гаранта целостности власти, «...установлений и интересов Императорского Величества». На них же возлагались и фискальные полномочия, такие как контроль за незаконными сборами, борьба со взяточничеством и т. д.

Отметим, что одной из важнейших функций при этом оставалось толкование законодательства. Исполняя свои полномочия, губернский прокурор при поступлении нового нормативно-правового акта, будь то закон, учреждение или указ, в наместничество обязан был дать свое заключение по нему, либо его толкование, определив сферу его действия, суть изменений или дополнений в действующем законодательстве в связи с его принятием, разъяснив при этом местным

чиновникам – какие действия необходимо предпринимать в связи с реализацией нового узаконения.

Увы, практика деятельности сибирской прокуратуры свидетельствовала о том, что далеко не всегда ее должностные лица могли дать ясное и точное разъяснение, в силу ли некомпетентности, либо же противоречивости законодательства, судите сами.

Приведем в качестве примера дело, рассматривавшееся Тобольской палатой гражданского суда на протяжении девяти лет (1790 – 1799 гг.), и так и оставшееся неразрешенным. С нашей точки зрения, причинами столь плачевного итога стали разногласия среди губернских стряпчих и прокурора, и отсутствие должных разъяснений со стороны генерал-прокурора.

Суть дела сводилась к утверждению купчих крепостных на дворовых людях, приобретенными секретарскими чинами и определении законности подобных сделок [2, л. 476 – 479 об.]. В основу разбирательства были положены претензии и прошения ряда челобитчиков.

1. Прошение городского секретаря Тобольской казенной палаты Петра Захарова от 14.06.1790 г. об узаконении купчей крепости дворового человека Василия

Александрова, доставшегося ему по от тобольского дворянина Гаврилы Хворова вследствие невыполнения обязательства в обозначенный срок.

2. Доношение Ачинской нижней расправы 9 апреля 1794 г. о совершении купчей крепости на проданного находящимся там, в Ачинске, отставным прапорщиком Щепотевым отставному городовому секретарю Степану Ильичеву дворового человека Григория Васильева.

3. Словесная просьба судьи Тобольского совестного суда, коллежского советника Я. Я. Павлуцкого и секретаря верхней расправы П. Чернавского от 17.05.1794 г. об оформлении купчей крепости на проданную первым второму дворовой девки Анны Константиновой.

4. Просьба городского секретаря Лавринова от 06.11.1799 г. о совершении на купленную им у безьянного «господина секунд-майора» безьянной же «дворовой девки».

Разногласия возникли относительно законной силы купчих о переходе права собственности на дворовых людей к чиновникам, получившим по службе лишь обер-офицерские чины.

Разрешение данного вопроса было поручено губернскому прокурору коллежскому асессору Бахтинову еще в 1791 г., который, в свою очередь, полагаясь на компетентность своих подчиненных, поручил разрешение этого вопроса губернским стряпчим, так, в итоге, и не предоставившим должного пояснения, ссылаясь на отсутствие точного закона, разрешающего данную ситуацию.

Разочаровавшись в помощниках, Бахтин решил действовать самостоятельно – направил запрос действительному тайному советнику, генерал-прокурору Сената, князю Александру Алексеевичу Вяземскому. Ответ на запрос целых ждали два года. Ушел в отставку Вяземский, но и от его сменщика, «генерал-поручика, действительного камергера и разных орден кавалера» Александра Николаевича Самойлова, вплоть до 1799 г. также не поступило никакого разъяснения о возможности личному дворянству приобретать дворовых людей.

Еще большую парадоксальность ситуации добавлял и тот факт, что за это время, в связи с отбытием губернского прокурора Бахтина его обязанности временно стал исполнять губернский стряпчий казенных дел Еремеев, который не получив должного разъяснения ни от генерал-прокуроров, ни от своего предшественника, своей резолюцией заключил: «в связи с отсутствием разрешения совершить и утверждать подобные партикулярные сделки, данные прошения будут оставаться в нерешении... Покупка дворовых людей осуществляться может, но без совершения купчих, а соответственно в казну пошлины поступать не будут, что, однако, может привести к наложению штрафов на продавцов и покупателей».

Подобное заключение по образцу «тащить и не пущать», в свою очередь, не устроило Тобольскую палату гражданского суда, направившую очередной запрос вновь прибывшему губернскому прокурору Замощикову с требованием дать четкое суждение по данной ситуации. Результат был тем же.

Налицо явная некомпетентность как судей, так и губернского прокурора с его подчиненными стряпчими. Четко прослеживаются системные недостатки су-

допроизводства, проявившиеся в рассогласованности действий судебно-прокурорских чинов – либо в отсутствии как такого своевременного запроса на имя генерал-прокурора, либо игнорирование этого запроса самими господами генерал-прокурорами [7, с. 146]. Наконец, данный казус доказывает противоречивость правовых оснований самой системы крепостничества.

Действительно, положения законодательства XVIII столетия позволяют как узаконить просьбу авторов указанных выше прошений, так и отвергнуть эти петиции.

С одной стороны, все прошения были сделаны от имени секретарей, находящихся в гражданском чине XII класса. Согласно правилам «Табели о рангах» от 24 января 1722 г., все недворяне, имеющие по гражданской службе чины ниже 8-го класса, принадлежали к личному дворянству, и в соответствии с Жалованной грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г., они не должны были вноситься в дворянскую родословную книгу, иметь крепостных людей и населенные земли. Кроме того, право владеть крестьянами и крепостными людьми, каковыми являлись и дворовые люди, после указа 1746 г. постепенно ограничивалось и изымалось у всех сословий, кроме потомственных дворян [9, с. 472], к каковым авторы прошений не относились.

С другой стороны, в соответствии с целым рядом указов (1730, 1740, 1758 гг.) и Межевой инструкцией 1754 г. служилые люди, не дослужившиеся до обер-офицерского чина и впоследствии получившие звание личных дворян, должны быть лишены права приобретать населенные земли и крепостных без земли, а земли, уже приобретенные, обязаны были продать в назначенный срок. Мы же имеем дело с секретарями, получившими по статской службе обер-офицерские чины [2, л. 476], а следовательно, такие купчие могли быть осуществлены и право владения утверждено.

Согласимся с В. О. Ключевским «...законодательство не выработало твердых норм по этому предмету – то хотело видеть в крепостном праве фискальное средство, то сословную привилегию. Накоплялись разноречивые указы, а Сенат еще более запутывал дело произвольными их толкованиями и неумелыми применениями. Так, одни указы позволяли посадским владеть дворовыми, другие запрещали» [4].

Впрочем, в данной ситуации нельзя винить лишь прокурорские чины: на наш взгляд, и Тобольская палата гражданского суда, учитывая ее статус в иерархии судов, не имела права оставлять в течение такого длительного времени указанные дела без разрешения и, проявляя собственную некомпетентность, указывать подобную формулировку в определении суда.

Другой важной функцией губернского прокурора и прокуроров верхних судов был надзор за состоянием законности – они должны были следить за точным исполнением требований действующего законодательства, и, в случае обнаружения нарушения или злоупотребления правом, сообщать в наместниче правление. Так, прокурор обязан был доносить о неточном исполнении закона и иных нормативно-правовых актов в судах различных уровней, о непослушании, сопротивлении и медлительности в исполнении законных повелений, о недолжном исполнении служебных полномочий, о проволочках в судебном и исполнительном про-

изводстве, о нарушениях правил благочиния (административных правонарушений), любых противоправных проступках и преступлениях, нарушениях правил торговли, причинении ущерба казенному имуществу и общественным интересам.

Кроме того, на губернского прокурора и прокуроров верхних судов возлагалась обязанность контроля за соблюдением принципа подведомственности в деятельности присутственных мест. Данная функция тесно переплеталась с уже отмеченной нами деятельностью прокуроров в сфере толкования права.

Так, в 1789 г. прокурору пришлось наводить порядок в деятельности Тобольского верхнего надворного суда: чиновники первого и второго департамента устроили затяжную переписку с Тобольским наместничьим правлением, препираясь относительно целесообразности помощи в отправлении правосудия первому департаменту ввиду его сильной загруженности [3, л. 5 – 10 об.].

Изначально сам первый департамент верхнего надворного суда обратился во второй департамент с просьбой разделить труд в рассмотрении трех дел. Однако второй департамент, ссылаясь на Учреждение для управления губерниями, ответил отказом, обосновывая это тем, что по силе закона созданы два департамента для раздельного рассмотрения гражданских и уголовных дел, и в целях недопустимости вмешательства в деятельность каждого из департаментов, такая передача дел нежелательна. Кроме того, второй департамент указал, что подобное вспомоществование возможно лишь с личного приказа его превосходительства господина генерала Пермской и Тобольской губерний.

Губернский прокурор в целях предотвращения бумажной переписки и волокиты, а также своевременного разбирательства нерешенных дел, указал второму департаменту, что в силу ст. 447 главы 30 Учреждения для управления губерниями, такое «вспомоществование» возможно, в случаях перегруженности одного из департаментов в целях скорейшего отправления правосудия и недопущения затягивания судопроизводства.

Несмотря на это, не желая себя обременять, второй департамент отказал первому департаменту в помощи, ссылаясь на статьи 444 и 445 о разделении на палаты и объясняя отказ тем, что, во-первых, при оказании подобной помощи возникнут проблемы при ревизии и апелляции дел, рассмотренных не по принадлежности другим департаментом, во-вторых, для оказания подобной помощи необходимо получить согласие от наместничьего правления, при этом тактично умалчивая о содержании ст. 447, указывающей, что «будет случится уголовных дел много оба департамента разделяют труд в прошении гражданского департамента...» [3, л. 9]. Следует сказать, что членам второго департамента, виновным в данной переписке, затянувшей процесс отправления правосудия, было поставлено на вид, губерньскому прокурору же было поручено уведомить все присутственные места о том, что впредь подобные переписки и излишние просьбы в адрес наместничьего правления будут наказываться штрафами.

Новый этап реформирования административно-судебного устройства Сибири, в том числе института прокуратуры, был связан с именем М. М. Сперанского и принятием «Учреждения для управления Сибирских губерний» от 22 июля 1822 г.

Согласно «Сибирскому учреждению» весь регион подразделялся на Западную и Восточную части. Создаваемая в ходе реформы Сперанского модель региональной власти включала в себя четыре ступени, именуемые Управлениями: главное, губерньское, окружное и волостное и инородческое.

Главным управлением (Западно-сибирским, в Тобольске и Восточно-сибирским, в Иркутске) принадлежало право надзора за делопроизводством всех нижестоящих административных инстанций. Надзорные функции реализовывались посредством рассмотрения результатов частных инспекций и ревизий, наложением взысканий, включавших в себя устранение, удаление, отрешение от служебных обязанностей и предание суду. Именно главные управления рассматривали замечания губерньских прокуроров и губерньских стряпчих по неправильному и нерасторопному производству дел в губерньских местах, наряду с частными жалобами на отказ в правосудии, а губерньский совет анализировал их замечания на действия областных и окружных инстанций [8].

Новую систему взаимоотношений прокуратуры и административных властей отличал принцип жесткой субординации, значительно ограничивавший полномочия прокуратуры в сфере судебного надзора. Так, в отличие от Учреждения для управления губерниями, Сибирское учреждение 1822 г. (§ 557 – 558) предусматривало, что губерньский прокурор при пересмотре уголовных приговоров может также сделать свои замечания на существо решения, но эти замечания он представляет уже не суду, а губернатору, который, в свою очередь, имеет право предложить суду свои заключения, если найдет, что решение суда действительно незаконно. Отметим, что на самостоятельности суда новые правила никак не отразились: сам суд «совершенно свободен согласиться с ним и переменить решение, или удержать оное в прежней его силе».

В сфере общего надзора к функциям губерньского прокурора, а в его отсутствие губерньского стряпчего, входило представление Главному управлению отчетов о делопроизводстве в губерньских учреждениях.

Поскольку Губерньский совет отныне определялся как орган общего надзора для всех управлений, то губерньский прокурор и губерньские стряпчие, по сути, становились его местными исполнителями. Соответственно, все представления, замечания, сведения и ведомости по делам надзора во всех местах как губерньских, так и областных, и окружных представлялись прокуратурой в Губерньский Совет, на который, в свою очередь, возлагалась обязанность предпринять необходимые меры.

Проиллюстрируем это утверждение конкретным эпизодом, связанным с замечанием губерньского прокурора в адрес Совета Главного управления Западной Сибири в отношении канцелярского чиновника, допустившего при составлении служебной бумаги, либо в силу невнимательности, либо в силу неграмотности, непристойное высказывание против власти, которое по каким-то причинам ускользнуло из бдительности председательствующего [1, л. 117 – 119].

В своем замечании, датированном 1825 г., губерньский прокурор отмечал, что обнаружил документ, составленный канцелярским чиновником Дмитрием Лохтиным, в которой сказано: «...в заключении всего я

прилагаю для вашего сведения список с дел циркулярного предписания земским исправником относительно удаления от должности управляющего Тобольской округой Романова и Вас, Милостивый Государь мой, прошу доставить экземпляр объявления, когда оно будет напечатано...». Отмечая, что подобная «описка», «отправившая в отставку» губернатора может дать повод к пересудам и эта, одна неверно поставленная запятая придавала совершенно иное значение документу, пропитывая его «дерзким смыслом и неуважением к власти», прокурор просил Совет уволить безграмотного «смутьяна». Совет внял мнению прокурора, Лохтин был удален из канцелярии, а всем присутственным местам предписано не допускать подобные случаи.

Т. о., Главное управление, Губернский совет и губернский прокурор по Учреждению для управления Сибирских губерний (§ 554) определялась как надзорные органы за правильностью производства и охранения установленных законами порядков, охватывающие все части губернского, областного и окружного управления, без права «переменить состоявшегося в судебных местах определения о существе дела».

Формулировка § 555 Учреждения «Посему пересмотр губернским прокурором и стряпчими решительных определений и подпись их не столько означают согласие их в правильности решения, сколько свидетельство их, что дело произведено в порядке, законами установленном» – позволяет сделать вывод о том, что на прокуратуре по-прежнему лежала серьезная ответственность за состояние надзора над соблюдением законности.

Как мы уже отмечали, Учреждением для управления Сибирских губерний была установлена четкая субординация между четырьмя ступенями региональной власти. Однако не все присутственные места Сибирских губерний четко уяснили эту новеллу, в связи с чем возникали многочисленные конфликтные ситуации, в которые вовлекались прокурорские чины.

Так, при рассмотрении дела о владении дворовыми людьми, азиатского происхождения, произошел спор относительно того, к кому следует обращаться в случае обнаружения противоречия в законодательстве.

Дело в том, что в распоряжении Тобольского губернского суда оказались два указа Правительствующего Сената, явно противоречащих друг другу: один, датированный 3 января 1824 г., устанавливал порядок, в соответствии с которым калмыки, приобретенные до Указа от 13 февраля 1819 г. подлежали освобождению, в то время как другой, от 19 января 1824 г., предписывал калмыков и других «выменянных азиатцев», приобретенных до указа от 13 февраля 1819 г. оставлять в пожизненное владение приобретателя [1, л. 118 – 119 об.].

По прежним правилам, установленным указами от 3 сентября 1795 г. и 16 августа 1802 г., «при обнаружении противоречий в указах обязаны во всех случаях прибегать к толкованиям Сената до исполнения подобных противоречивых узаконений». Тобольский губернский суд так и поступил, составив заключение о необходимости толкования Правительствующему Сенату, какой указ следует применять в подобных ситуациях.

Пришлось вмешиваться губернскому прокурору, который, «...обозрев журнал губернского суда», поставил суду на вид, указав на то, что в настоящее время

подобные запросы осуществляются на основании § 585 – 587 Учреждения об управлении Сибирских губерний: «Каждое место испрашивает разрешений у того, кому оно непосредственно подчинено»; «Но о всех предметах, требующих разрешения, они относятся не иначе как по порядку начальства (§ 275 Министерского учреждения). Гражданские губернаторы в Главное управление, а прочие места и лица в Общее Губернское управление».

Примечательно, что Тобольский губернский суд продолжал настаивать на отправлении данного запроса в Правительствующий Сенат непосредственно, видимо ссылаясь на уже упоминавшийся выше § 558 Учреждения для управления Сибирских губерний.

Ситуация осложнялась тем, что Совет Общего Губернского управления, приняв аргументацию губернского суда, изначально утвердили решение выйти с представлением в Правительствующий Сенат. Губернский прокурор однако тоже проявил характер, продолжая настаивать на новом порядке, ссылаясь на отсутствие в Учреждении об управлении Сибирских губерний нормы, предусматривавшей возможность использования в подобных случаях прежних узаконений.

Настойчивость губернского прокурора способствовала передаче Советом Общего Губернского управления 30 апреля 1824 г. данного спора на разрешение Главного управления Западной Сибири, которое солидаризируясь с мнением губернского прокурора заключило: «...все губернские частные общие управления в силу § 584 и 585 учреждения доставляют только Правительствующему Сенату и Министерствам требуемые ими дела и сведения, но о всех предметах, требующих разрешения, они относятся не иначе как по порядку начальства: гражданские губернаторы в Главное управление, а прочие места в Общее Губернское управление».

Данная ситуация не была частным эпизодом. Подобный конфликт возник и в Тобольской казенной палате, которая, замученная нехваткой финансовых средств для завершения ревизии счетов винокуренных заводов, вошла в мае 1824 г. с представлением о назначении шести тысяч рублей ежегодно к министру финансов и генерал-губернатору Западной Сибири [1, л. 120 – 120 об.].

Губернский прокурор, имея опыт в определении подведомственности подобных обращений, ссылаясь на Учреждение для управления сибирскими губерниями, по которому подобные обращения допустимы лишь в Совет Общего Губернского управления указал на это казенной палате. Та, в свою очередь, ссылаясь на наставления казенным палатам (1783 г.), отвергла мнение прокурора, доказывая правильность принятого ею порядка тем, что ассигнование сумм зависит от министра финансов, равно как и «утверждение росписи доходов и расходов», следовательно, по ее мнению, и разрешение отпуска денег... зависит от министра.

Настойчивость и компетентность губернского прокурора победили. Совет Общего Губернского управления, приняв во внимание 7 пункт (по хозяйственному управлению) § 34 Учреждения о Сибирских губерниях и § 302 того же учреждения, постановил: «Первое, что требование сумм на действии разных частей принадлежит ему. Второе, что казенная палата неправильно основала свое представление на § 302 Учреждения о

Сибирских губерниях, так как в конце того же параграфа порядок производства ею дел ограничен» [1, л. 120 об.]. В этой связи Совет признавал, что палата, представив министру финансов и генерал губернатору непосредственно об ассигновании суммы на действия Комиссии, учрежденной по заводским счетам, не собила тем самым законного порядка.

Оба эпизода свидетельствуют о том, что сибирская прокуратура, в какой-то степени лишенная самостоятельности, вынужденная практически по каждому делу, замечанию или вопросу обращаться в вышестоящие органы, сохранила при этом свои надзорные функции.

Этот вывод подтверждает еще один эпизод. В 1825 г. губернский прокурор обратился с запросом в Губернское правление о необходимости упрощения уголовного судопроизводства. Дело в том, что земские окружные суды при рассмотрении уголовных дел каждый раз были вынуждены запрашивать сведения о возрасте подсудимых у Тобольской духовной консистории. Подобный порядок был прописан указом Правительствующего Сената от 28 декабря 1823 г., согласно которому по искомому делам судебными местами запрашивались выписки и свидетельства из метрических книг от духовных консисторий о рождении, вступлении в брак и об умерших. Подобный порядок был автоматически распространен и на обвиняемых в уголовных преступлениях. По мнению кузнецкого стряпчего, по обращению которого прокурор и составил свое отношение, каждый такой запрос сведений «...является напрасной тратой времени и только изнуряет подсудимых содержанием под стражей, с невозвратными от казны на их содержание убытками», и в данном случае вполне достаточно справок из ревизских сказок. Увы, сам губернский прокурор согласно Сибирскому Учреждению был лишен права самостоятельного принятия подобных решений, и мог лишь обратиться с подобным запросом, что он и сделал.

Данная ситуация разрешилась так, как и предлагал прокурор: губернное правление, найдя мнение губернского прокурора правильным, «...в целях прекращения подобных запросов определило дать всем присутственным местам разъяснения не сей счет» [1, л. 121 – 121 об.]. Данный бюрократический препон был преодолен, однако подобные ситуации, обусловленные несамостоятельностью прокурорских чинов, повторялись еще не раз, в том числе и в сфере судебного надзора.

Наглядным примером подобной ситуации являлось уголовное дело «О растлении якобы отставным унтер-офицером Пшеничным племянницы своей, крестьянской дочери Ирины Пшеничных» [5, л. 9 об. – 12], рассмотренное Иркутским губернским судом в 1823 г.

Из материалов дела ясно следовало, что Ирина Пшеничных отнюдь не была изнасилована, а лишь имела любовную связь со своим дядей, по собственной воле. Действительно, зрелая женщина, находившаяся в состоянии легкого подпития, будучи вполне в состоянии дать отпор, она не только не сделала этого, но и скрыла этот эпизод до рождения младенца. Сама жалоба об изнасиловании поступила спустя десять месяцев от ее отца, и то после ссоры и драки между братьями.

Губернский суд однако не принял во внимание явные «нестыковки» в деле, не принял во внимание долговременную безупречную службу унтер-офицера,

имевшего к тому же награды допустил серьезные процессуальные нарушения, к числу которых относятся игнорирование свидетельских показаний. В итоге Пшеничных был приговорен как насильник к наказанию кнутом, ссылке на каторжную работу и церковному покаянию.

Обо всех существенных нарушениях губернским прокурором, как полагалось при пересмотре уголовных приговоров, были сделаны замечания по существу, представленные губернатору.

Отдадим должное гражданскому губернатору, который не только утвердил данное решение, но и поставил на вид губернскому суду за несообразную жестокость наказания.

Тем не менее суд и не думал сдаваться: используя свое право, регламентированное § 557 Учреждения для управления Сибирских губерний, он упорствовал в своем решении, и, не соглашаясь на его изменение, потребовал от Гражданского Губернатора, чтобы тот лично, своим ходатайством, испросил Пшеничному освобождения.

В конце концов, дело было рассмотрено в Совете Главного управления: поступок Пшеничного был представлен на рассмотрение духовной власти, а «...за пьянство и буйство назначено содержание по стражей в совокупности со строгим предостережением, чтобы воздерживался от такого на будущее время». Губернскому суду за то, что он, не имея доказательств насилия, приговорил Пшеничных к тяжкому, несообразному с законами наказанию, было сделано замечание.

Отметим, что подобное противостояние между губернским прокурором, гражданским губернатором и Иркутским губернским судом далеко не последнее. Подобная ситуация повторилась через два года при рассмотрении дела «О ссыльном Сафронии Шибикове, оскпившем себя» весьма странного не только по своему содержанию, но и характеру судебного вердикта, не свойственного для светского судопроизводства.

Дело в том, что за проступки такого рода, в соответствии с Указами 1810 и 1817 гг., предусматривались либо военная служба в Сибири, либо ссылка на поселение в Иркутскую губернию. Иркутский губернский суд однако вынес решение о наложении на виновного епитимьи, что уже являлось сферой деятельности духовной консистории, а не гражданского суда. Кроме того, для внушения скопцу Шибикову и подобным скопцам губернский гражданский суд составил странное наставление со Священного Писания и даже волеялся в истолкование Евангелия:

«...Всемогущий бог сотворил все творения свои, как равно и человека, все члены его с удивительною премудростью, которые человеку необходимы для спокойной его жизни, в том числе и тайных удовольствий, посредством коего делаются испражнения, дабы в последнем случае, согласно природы, волею Божьей вдохновенной, расти, размножать род человеческий и наполнять землю; следовательно, скопцы грешат и оскорбляют в том намерении Всемогущего Бога, мня вопреки исполнению той роли на умножение рода человеческого, самопроизвольным отнятием членов для чего создан.... Такие действия направлены на поругание человечества невежеством, обманом и развращением, которые должны быть искоренены, прекра-

щены, подвергнуты наказанию, и будущему возмездно правосудного Бога» [5, л. 2 – 7 об.].

Данное дело по протесту губернского прокурора было передано на утверждение гражданского губернатора, который заключил, что поскольку рассуждения губернского суда относятся, по сути, к юрисдикции духовной власти, а итоговое решение незаконно, приговор подлежит пересмотру.

Несгибаемые служители иркутской Феиды вновь проявили упорство, доказывая, что на основании § 557 Учреждения для управления Сибирских губерний, приговор, ими учиненный, пересмотру не подлежит. Кроме того, Иркутский губернский суд в очередной раз допустил непристойные высказывания, только теперь не в адрес губернатора, а по отношению к губернскому прокурору: «в данном случае губернский прокурор проявляет не побуждение на предохранение законного правосудия, а обнаруживает стремление к протестам против губернского суда» [5, л. 7].

В результате гражданским губернатором и прокурором с утверждения Совета Главного управления и генерал-губернатора, был вынесен приговор согласно Указам 1810 и 1817 гг., а судьям губернского суда «...за несправедливое и противозаконное суждение и, в особенности, неприличные и оскорбительные выражения по отношению к лицам, участвовавшим в деле», было поставлено на вид, «со строгим на будущее время замечанием».

Обратим внимание, что прокурорские чины, иницируя применение санкций по отношению к судебным чиновникам, сами работали под строгим контролем губернских властей. Так, на основании § 609 – 613 Учреждения для управления сибирских губерний губернский прокурор нес ответственность перед Советом главного управления и в случае серьезных нарушений, в виде злоупотребления властью, сопровождающимся ущербом, причиненным государству, подлежал суду Правительствующего Сената, а областные и окружные стряпчие отвечали перед Советом губернным и судились, соответственно, губернским судом.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГКУ КО «ГАКО»). Ф. 28. Оп. 2. Д. 6.
2. Государственный архив в г. Тобольск (ГБУТО). Ф. 361. Оп. 1. Д. 920.
3. Государственный архив в г. Тобольск (ГБУТО). Ф. 363. Оп. 1. Д. 8.
4. Ключевский В. О. Полный курс истории: сочинение в 9 т. М., 1988.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 118.
6. Российское законодательство X – XX вв. Т. 5 / под ред. О. И. Чистякова. М., 1987.
7. Серафимович А. Е., Гаврилов С. О. Система прокурорского надзора в дореформенной Сибири XIX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы X Международной научно-практической конференции. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2012. Ч. 2. С. 145 – 147.
8. Учреждение для управления Сибирских Губерний от 22 июля 1822 г. Петергоф, 1822.
9. Яблочков М. История дворянского сословия в России. Смоленск: Русич, 2003.

Информация об авторе:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, Angelika@kemsu.ru.

Anzhelika V. Gavrilova – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

К примеру, в 1820-е гг. губернский совет возбудил дело в отношении Чарышского окружного стряпчего Некрасова [1, л. 36], который, не поставив в известность начальство, отлучился из города в деревню Тугозново и на обратном пути, в пьяном виде, спустившись близ города к реке Чарыш, чуть не утонул (был спасен крестьянином Семеновым). По показаниям Чарышского городничего и земского управителя Тугозвского Некрасов «вышел из питейного дома безмерно пьяным без рубашки в расстегнутом сюртуке и вообще в самом развратном виде», о чем чиновник и доложил гражданскому губернатору. В итоге, по предложению последнего, Губернский совет приказал отстранить Некрасова, проинформировав об этом Томского губернского прокурора.

Таким образом, институт прокуратуры как по Учреждению для управления губерниями 1775 г., так и по Учреждению для управления Сибирскими губерниями 1822 г. являлся надзорным органом, главной целью которого было надзор за соблюдением законности в производстве и отправлении дел. В целом прокуроры и стряпчие сибирских губерний отвечали всем требованиям, установленным законодательством, за редкими исключениями, которые не позволяют судить о существенной специфике кадрового состава сибирской региональной сибирской прокуратуры.

Проанализированные нами архивные дела свидетельствуют о качественной работе прокуроров в сфере надзора за соблюдением законности. К числу негативных особенностей состояния данного института в рассматриваемый период следует отнести серьезное ограничение организационной самостоятельности прокурорских учреждений в связи с принятием Учреждений для управления сибирскими губерниями. Впрочем, пагубное воздействие данного обстоятельства на практическую деятельность прокуратуры не следует преувеличивать: прочие надзорные инстанции, к которым прокуроры обращались со своими суждениями, прошениями и отношениями, чаще всего солидаризировались с мнением прокурорских чиновников.

Статья поступила в редколлегию 09.09.2015 г.